O 19/217

А 7/58
О 19/217

О ЯРИЛѢ,

ЯЗЫЧЕСКОМЪ БОЖЕСТВѢ

РУССКИХЪ СЛАВЯНЪ.

П. Ефименко.

С.-Петербургъ.
1869.

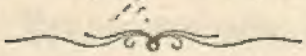
О 19/217

О ЯРИЛѢ,

ЯЗЫЧЕСКОМЪ БОЖЕСТВѢ

РУССКИХЪ СЛАВЯНЪ.

П. Ефименко.



ф.31-14808

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Майкова, въ домѣ Министерства Финансовъ, на Дворц. площ.
1868.

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

(Изъ Записокъ Имп. Рус. Геогр. Общества по Отдѣленію Этнографіи, т. II, 1868 г.).

2007056259

О ЯРИЛѢ, ЯЗЫЧЕСКОМЪ БОЖЕСТВѢ РУССКИХЪ СЛАВЯНЪ.

Значеніе корня *яр*. — Ярило, какъ божество возрождающагося солнца, похоти, плодородія и силы. — Его зоморфическое и антропоморфическое представленіе. — Ярилины празднества у русскихъ Славянъ, и паралельныя имъ явленія другихъ языческихъ религій. — Перенесеніе вѣрованій въ Ярила на св. Георгія. — Повѣрья и легенды о немъ. — Празднованіе Георгіева дня у Славянъ русскихъ и другихъ. Общіе выводы.

Названіе языческаго божества Ярила сохранилось до нашихъ дней въ преданіяхъ Бѣлоруссовъ, Великоруссовъ и Малоруссовъ. Можно думать, что нашему Ярилѣ соотвѣтствовало у Гаволянъ божество Яровитъ. Слѣдовательно, названіе нашего божества не новѣйшее, не вымышленное или измѣненное въ христіанскую эпоху, но принадлежащее временамъ отдаленнаго язычества.

Слово Ярило или Ерило состоитъ изъ корня *яр* и окончанія *ило*. Корень *яр* соотвѣтствуетъ санскритскому *ar*, которому, въ свою очередь, соотвѣтствуетъ греческое Ἐρ [1]). *Ar*, въ санскритѣ, выражаетъ дѣйствіе возвышенія, движенія въ верхъ. Окончаніе *ило*, заключающее въ себѣ суффиксъ прошедшаго причастія дѣйствительнаго залога, принадлежитъ многимъ существительнымъ и въ томъ числѣ, даже названіямъ нѣкоторыхъ божествъ, напримѣръ, бѣлорусскому Вазилу и, съ измѣненіемъ *ило* на *ало*, великорусскому

[1]) Макса Мюллера «Сравнит. Миѳологія» въ «Лѣтописяхъ русской литературы и древности», Н. Тихонравова, т. V, отд. I, стр. 113—114.

Купалу. Въ санскритѣ, въ названіи божества, нашему *ило* будетъ, кажется, соотвѣтственно окончаніе *vân*, которое, въ свою очередь, приравнивается къ греческому ως,ωτος [1]). Слѣдовательно, въ цѣломъ славянское слово Ярило будетъ, вѣроятно, то же, что санкритское A'rvân и греческое Ἔρως. Arvan въ позднѣйшемъ санскритѣ значитъ только *конь*, но въ Ведахъ оно болѣе сохранило своего кореннаго смысла и употребляется въ значеніи: *быстрый, стремительный, бѣгущій*. Многократно это названіе прилагается въ Ведахъ къ солнцу и употребляется вмѣсто названія *солнца*; иногда оно употребляется въ смыслѣ *коня* или *всадника*. Всадникъ этотъ есть *восходящее солнце*. Существуетъ цѣлый гимнъ, обращенный къ солнцу, какъ коню. Въ Ведахъ миѳъ, такъ сказать, возвращается вспять, къ своему собственному началу, и одинъ изъ поэтовъ прославляетъ свѣтлыхъ Васу, потому что «они солнце сдѣлали конемъ». Такимъ образомъ, слово arvan сдѣлалось однимъ изъ названій солнца. Въ одномъ мѣстѣ Риг-Веды поэтъ обращается къ солнцу: «Ты, о, Арванъ (конь), ты, еси Адитья (солнце)»; въ другомъ мѣстѣ подъ тѣмъ же самымъ названіемъ призывается Агни или солнце [2]).

Подобно санскритскому корню *ar*, славянскій корень *яр* также сохранилъ значеніе *стремительности, быстроты, пылкости, силы, свѣта, весенняго* или *восходящаго солнца*. Какъ санскритское «ара» значитъ *быстрый, проворный*, «арамъ»—*быстро, скоро*, такъ и великорусское областное слово «ярый» значитъ *скорый*. Такъ какъ одно изъ свойствъ свѣта есть быстрота его распространенія, то въ корнѣ *яр* совмѣщаются значеніе *быстроты* и значеніе *свѣта*. Санскритское «аруна» означаетъ *темнокрасный* или *коричневый цвѣтъ солнца*, а санскритское «арка» (яркій)—*солнце*. Русское «яркій» (сравн. польское «jarzący») значитъ *свѣтлый*. Весенній и утренній солнечный свѣтъ возбуждаетъ во всей природѣ силу возрождающую и оплодотворяющую; поэтому корень *яр* употребляется въ значеніи *плодотворной силы весенняго и утренняго солнечнаго свѣта*. Что именно подъ корнемъ *яр* надобно понимать

---

[1]) М. Мюллера «Сравн. Мио.» въ «Лѣтоп.» Н. Тихонравова, т. V, отд. I, стр. 113—114.

[2]) Тамъ же, стр. 114.

свѣтъ весенняго или восходящаго солнца, видно изъ названій *весны*: мало-русскаго «ярь» и чешскаго «garo». Отсюда названіе хлѣба, сѣемаго весной: малорусское «ярына», великорусское «ярица», чешское «gar», словенское «garice», польское« jarzyna», и прилагательныя: «яровой», «jary» («zboze jare»), «ярый» (м. русск. «яра рута»), такъ же «ярець», малорусское названіе мѣсяца мая, нѣмецкое «Jahr» въ смыслѣ года (какъ наше «лѣто» въ смыслѣ годоваго періода времени). Весна и утро — время появленія свѣта и теплоты солнца, возбуждающихъ похоть въ человѣкѣ и животныхъ и стремленіе къ оплодотворенію въ растеніяхъ. Отсюда новое значеніе корня *яр*, — *животная похоть, плотская любовь и оплодотворяющая сила*: ярунъ— тотъ, кто *ярится*, или тотъ, кто *ярить*, т. е. механически возбуждаетъ похоть, *яриться*—имѣть похоть. Кромѣ похоти, весенній свѣтъ возбуждаетъ силу, мужество; поэтому корень *яр* у насъ, какъ и въ санскритѣ, означаетъ *силу* и *мужество*, «ярый»—*сильный* и *мужественный*, чешское «jarost»—*свѣжесть, юношеская сила*. Отъ этого послѣ дняго значенія корень *яр* переходитъ къ значенію *ипьва, ярости*, такъ какъ у младенчествующихъ народовъ гнѣвъ проявляется въ физической силѣ.

Судя по вышеизложенному словопроизводству, слово Ярило будетъ означать *быстро распространяющійся весенній* или *утренній солнечный свѣтъ, возбуждающій растительную силу въ травахъ и деревьяхъ и плотскую любовь въ людяхъ и животныхъ*, потомъ — *юношескую свѣжесть, силу и храбрость въ человѣкѣ*. Отсюда слѣдуетъ, что Ярило, какъ божество, долженъ быть *богомъ восходящаго или весенняго солнца, богомъ похоти и любви, богомъ произрастителемъ и покровителемъ животныхъ, производителемъ растеній, богомъ силы и храбрости*. Въ такомъ смыслѣ нашъ Ярило тождественъ съ Яровитомъ Гаволянъ, который считался между прочимъ богомъ скотоводства и подателемъ плодородія полямъ. Онъ покрывалъ травою поля и листьями лѣса, оплодотворялъ нивы и деревья [1]).

Мы знаемъ изъ Риг-веды, что первоначальной, зооморфической формой утренняго или весенняго солнца были *конь* и *конская го-*

[1]) Срезневскаго, «О языч. богослуж. у древнихъ Слав.», стр. 10—11; Макушева, «О бытѣ и нравахъ Слав.», стр. 88.

лов [1]), какъ символы быстроты, съ которой распространяется свѣтъ. Конская голова есть символъ солнца, начинающаго появляться надъ горизонтомъ или, по понятію язычниковъ, солнца, рождающагося на свѣтъ, потому что, при рожденіи, жеребенокъ прежде всего выставляетъ на свѣтъ свою голову. Такимъ образомъ и нарождающееся солнце сначала выставляетъ на свѣтъ свою конскую голову.

Представленіе солнца въ видѣ коня обще многимъ народамъ; такъ у Персовъ оно представлялось въ образѣ бѣлаго быстробѣгущаго коня, у Скандинавовъ—въ видѣ свѣтлогриваго коня, приносящаго свѣтозарный день человѣческому роду. Въ нѣмецкихъ и славянскихъ сказкахъ упоминается «бѣлый солнцевъ конь», производящій день всюду, гдѣ онъ только появится. Сюда же относятся нашъ «сивка бурка, вѣщій каурка», который питается огнемъ и жаромъ, и чудесный конь съ золотой или серебряной шерстью [2]). Въ малорусскихъ сказкахъ конская голова признается за живое существо; она живетъ въ лѣсной избушкѣ, построенной на куриной ножкѣ, и приноситъ счастье и красоту тѣмъ, кто исполняетъ ея желанія и услуживаетъ ей; для этого она приказываетъ влѣзть къ ней въ правое ухо, а въ лѣвое вылѣзъ [3]).

Представленіе солнца въ видѣ коня или конской головы образовалось, конечно, прежде другихъ представленій, въ эпоху пастушества. При началѣ земледѣльческой эпохи, когда сталъ образовываться антропоморфизмъ, народная фантазія соединила прежній зооморфическій образъ съ новымъ антропоморфическимъ, и такимъ образомъ явилось представленіе молодаго красиваго человѣка, сидящаго на конѣ. Представленіе солнца въ образѣ красиваго юноши, разъѣзжающаго на бѣломъ конѣ, существуетъ также во многихъ миѳологіяхъ; таковы у Индусовъ Вишну въ аватарѣ Колки, Аполлонъ у Римлянъ, Миѳра у Персовъ. Въ нѣмецкихъ, славянскихъ и русскихъ сказкахъ постоянно является всадникъ-богатырь, на чудесномъ конѣ. Въ одной русской сказкѣ прямо объяснено, что всадники

---

[1]) См. М. Мюллера, «Сравнит. миѳ.» въ «Лѣтоп.» Тихонравова, кн. V, стр. 76.

[2]) Буслаева, «Историч. Очерки», т. I, стр. 329.

[3]) Аѳанасьева, «Народн. русск. сказки», вып. I, стр. 85–86, вып. IV, стр. 121.

являющіеся на бѣломъ и рыжемъ конѣ,—день и солнце [1]). Нашъ Ярило, если онъ точно есть богъ солнечнаго свѣта, долженъ представляться также въ видѣ всадника на бѣломъ конѣ. И дѣйствительно, Бѣлоруссы до сихъ поръ воображаютъ его молодымъ, красивымъ человѣкомъ, разъѣзжающимъ на бѣломъ конѣ [2]). По преданію Великоруссовъ, общему со многими другими народами, солнце представляется также въ видѣ женщины [3]). Въ женскомъ образѣ представляется и Ярило, что доказывается тѣмъ, что Бѣлоруссы, въ праздникъ Ярила, представителемъ его выбираютъ не парня, а молодую, красивую дѣвушку, которую наряжаютъ такъ, какъ воображаютъ себѣ Ярила, и сажаютъ ее на бѣлаго коня [4]).

Извѣстный миѳъ, будто солнце, нарождаясь ежедневно и ежегодно, восходитъ по утру и весной прелестнымъ младенцемъ, мужаетъ въ полдень и лѣтомъ, а къ вечеру и зимѣ погружается въ море дряхлымъ старикомъ, служилъ причиною того, что солнце въ одно и тоже время олицетворялось въ различныхъ образахъ—младенца, юноши и старика. Нарождающееся солнце изображалось младенцемъ, сидящимъ на рукахъ своей матери (земли). Такъ у Индусовъ младенецъ-солнце возсѣдаетъ на рукахъ Лакшми; у Египтянъ солнце сидитъ на рукахъ Изиды, у Фригійцевъ и у Римлянъ оно изображается съ матерью Цибелою; у Славянъ солнце-младенецъ сидѣло на головѣ Живы или Сивы, у Финновъ на рукахъ Золотой Бабы и т. д. [5]). Солнце, закатывающееся на западѣ, или солнце осеннее у насъ имѣло также видъ старика: «дѣдушка золотая головушка, серебряная бородушка» играетъ въ русскихъ сказкахъ непослѣднюю роль [6]). На похоронахъ Ярила, умирающаго весенняго солнца, представителемъ его въ обрядахъ избирается обыкновенно старикъ [7]).

---

[1]) Аѳанасьева, «Сказки», вып. IV, стр. 135—175.

[2]) «Прибавленія къ Журн. Мин. Нар. Просв.», 1846 г., кн. I, Древлянскаго, «Бѣлорусскія преданія», стр. 20.

[3]) Напр. въ «Сказаніяхъ» Сахарова, т. II, кн. 7-я, стр. 69.

[4]) «Прибавл. къ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.» 1846 г., кн. I, стр. 21.

[5]) Н. Костомарова, «Слав. миѳологія», стр. 30—33.

[6]) «Филолог. записки» 1864 г. кн. I, стр. 15.

[7]) Сахарова, «Сказанія», т. II, кн. 7, стр. 91.

*

Такимъ образомъ мы видимъ, что Ярило, какъ богъ весенняго или утренняго солнца, представлялся главнымъ образомъ въ видѣ юноши; но нельзя отвергать и того, что онъ изображался и въ видѣ младенца при началѣ весны, и въ видѣ старика при концѣ весны.

Теперь остановимся на мѣстныхъ представленіяхъ Ярила у русскихъ Славянъ и на различныхъ обрядахъ въ честь его.

У Бѣлоруссовъ, какъ упомянуто выше, Ярило является молодымъ красивымъ юношей, разъѣзжающимъ на бѣломъ конѣ. Онъ всегда покрытъ бѣлымъ плащемъ, на головѣ имѣетъ вѣнокъ изъ свѣжихъ весеннихъ полевыхъ цвѣтовъ; въ правой рукѣ у него человѣческая голова, а въ лѣвой горсть ржаныхъ колосьевъ; ноги у него босыя. Въ честь его празднуютъ время первыхъ деревенскихъ посѣвовъ, 27-го (не 23-ли?) апрѣля: подъ вечеръ, въ сумерки, толпа дѣвицъ собирается въ какой нибудь домъ, избираетъ изъ своей среды дѣвицу, которую называютъ Яриломъ, одѣваетъ ее такъ, какъ воображаетъ себѣ Ярила, и сажаетъ на бѣлаго коня, нарочно привязаннаго къ столбу. Дѣвушки составляютъ хороводъ, извиваются длинною вереницею во кругъ Ярила и пляшутъ; каждая изъ нихъ обязана имѣть на головѣ вѣнокъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ. Во время теплой и благорастворенной весны этотъ обрядъ совершается съ разсвѣтомъ, на открытомъ полѣ или даже на нивахъ. При этой забавѣ присутствуютъ и старики. Во время пляски дѣвушки поютъ очень длинную пѣсню, въ которой описываются благотворныя дѣйствія этого бога, будто бы онъ ходитъ по всему свѣту, раститъ рожь на нивахъ и приноситъ чадородіе людямъ:

А гдзѣ жъ jонъ нагóю,
Тамъ жыто капóю;
А гдзѣ жъ jонъ пи зырнé,
Тамъ кóласъ зацьвицé [1]).

---

[1]) «Прибавл. къ Ж. М. Н. Пр.» 1816 г., кн. I, стр. 21. Нѣчто подобное встрѣчается въ иныхъ малорусскихъ пѣсняхъ, которыя поются въ Новый годъ, но въ нихъ вмѣсто Ярилы представляются св. Василій или св. Илья, которые будто бы ходятъ по полямъ и, помахивая плетью, сдѣланною изо ржи («жытяна пуга»), зарождаютъ хлѣба. Къ нимъ обращаются съ мольбой: «Роди (зарождай), *боже*, рожь, пшеницу, дѣтей и жеребенковъ». При сѣяніи хлѣба въ Черниговской губерніи машутъ «жытяною пугою».

Въ Великороссіи празднованіе Ярилу представляетъ нѣкоторыя различія по мѣстностямъ. Въ Костромѣ отправляли похороны Ярила во Всесвятское заговѣнье. Старикъ, одѣтый въ изодранное платье несъ во гробѣ куклу Ярила, въ видѣ мужчины, со всѣми естественными его частями. Пьяныя женщины провожали ее съ рыданіями и потомъ зарывали въ землю. Въ Галичѣ и Кинешмѣ, Костромской губерніи, представителемъ Ярила выбирали старика, унаивали его и забавлялись надъ нимъ. Каждая дѣвушка отвѣшивала поясной поклонъ старику и потомъ вступала въ хороводный кругъ, составлявшій главную ихъ забаву въ это время. Въ Рязанской и Тамбовской губерніяхъ праздникъ Ярила совершался въ день Всѣхъ Святыхъ или на другой день Петрова дня, во Владимірѣ на Клязьмѣ—въ Троицынъ день, въ Нижегородской губерніи—Іюня 24, въ день ярмарки, въ Твери—въ первое воскресенье послѣ Петрова дня. Здѣсь дѣвушки и парни собирались плясать и веселиться. Матери охотно отпускали своихъ дочерей на это гулянье «поневѣститься». Женихи высматривали невѣстъ, а невѣсты жениховъ, но однако случались и дурныя послѣдствія отъ поневѣствованія. Во время разгула дозволялись обниманія, цѣлованія, совершавшіяся подъ вѣтвистыми деревьями. Ярилино торжество уничтожено стараніемъ архіепископовъ Меѳодія и Амвросія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Казанской губерніи, наканунѣ Троицына дня служатъ молебны на поляхъ, окропляя ихъ и скотъ освященною водою. По окончаніи молебствія, поселяне обоего пола плящутъ и поютъ въ честь Ярила. Въ Воронежѣ этотъ праздникъ совершался съ такими обрядами: Люди всѣхъ возрастовъ и обоихъ половъ, нарядившись, какъ въ самый большой праздникъ, собирались, съ разсвѣтомъ дня, за городъ на большую площадь. Здѣсь начиналось общее разгулье, состоявшее въ пѣсняхъ, пляскахъ и музыкѣ. Среди общаго веселія наряжали мужчину въ пестрое платье, убирая его цвѣтами и навѣшивали на него ленты и бубенчики; лицо его чернили или наводили румянами, въ руки давали побрякушки. Дѣти возвѣщали шествіе Ярила барабаннымъ боемъ. Ярило преважно расхаживалъ по площади и плясалъ; къ нему присоединялись другіе плясуны, которые угощали его разными лакомствами. Среди разгула составляли разныя игры, отъ которыхъ переходили къ страшнымъ кулачнымъ боямъ. Епископъ Тихонъ,

искоренившій этотъ обычай, называетъ его бѣсовскимъ и говоритъ, что нѣкогда былъ древній истуканъ Ярило. Праздникъ назывался «игрищемъ», и народъ ожидалъ его съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Онъ начинался въ среду или пятницу послѣ дня сошествія Св. Духа и оканчивался въ первый понедѣльникъ [1]).

Въ Малороссіи названіе Ярила не сохранилось, но есть праздникъ, напоминающій Ярилино торжество. Тамъ, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, народъ собирался послѣ Всесвятскаго заговѣнья погулять у кабака. Здѣсь пѣли и плясали до вечера. По закатѣ солнца, выносили на улицу соломенное изображеніе мужчины, со всѣми его естественными частями, и клали въ гробъ. Пьяныя женщины подходили къ нему и кричали съ воплемъ: «Померъ онъ, померъ!». Мужчины поднимали чучело и произносили: «Эге, баба не бреше! Вона знае, що ій солодче меду». Женщины продолжали вопить: «Якій же вонъ буивъ хоровій та якій услужливый». Смотрѣли на него любострастно и говорили: «Не встане вонъ бôльше! О, якъ же намъ розставатися съ тобою, и що за жизнь, коли нема тебе! Пôдимись хочъ на часочокъ; но вонъ не встае и не встане». Послѣ продолжительныхъ и многообразныхъ поговорокъ уносили чучело и хоронили. Погребеніе заключалось закускою и попойкою. Въ малороссійской пѣснѣ божество, котораго хоронятъ, называется «Кострубонькомъ».

У Великоруссовъ тоже находимъ обряды, напоминающіе похороны Кострубонька. Въ Пензенской и Симбирской губерніяхъ въ Троицынъ и въ Духовъ день, а въ Муромѣ въ первое воскресенье послѣ Троицына дня погребаютъ Кострому. Такъ называется дѣвушка, избранная подругами, собравшимися на условленное мѣсто для совершенія обряда. Кострому кладутъ на доску, несутъ къ рѣкѣ и спускаютъ въ воду. Потомъ сами бросаются въ рѣку: купаются, поютъ и дурачутся. Возвратившись съ пѣснями домой, начинаютъ хороводы. Въ Пензенской же губерніи, въ послѣдній день весны, въ Духовъ день, трое или четверо молодыхъ ребятъ, накрывшись пологами,

---

[1]) По свидѣтельству г. Костомарова («Слав. миѳологія», стр. 86), праздникъ этотъ существуетъ въ Воронежской губерніи и по имени: Яриломъ тамъ называютъ истуканъ, одѣтый въ мужское и женское платье вмѣстѣ.

образуютъ изъ себя подобіе лошади. Одна изъ женщинъ наряжается въ солдатскій мундиръ и командуетъ тремя лошадьми. Всѣ дѣвицы провожаютъ ихъ за село и прощаются съ ними въ ознаменованіе послѣдняго веселія; это называется «проводами весны». Во всю ночь идетъ веселье и пляски. Въ Саратовѣ, во время проводовъ весны, народъ собирается за городомъ; тамъ приготовляютъ чучело лошади «съ разными грубыми атрибутами» и носятъ его взадъ и впередъ по лугу въ сопровожденіи огромной толпы [1]).

Указанные факты позволяютъ вывести такое заключеніе, что Ярило, богъ весенняго и утренняго солнца, изображался сначала въ видѣ коня и конской головы, потомъ въ видѣ всадника, красиваго молодаго человѣка, иногда въ видѣ младенца, сидящаго на рукахъ своей матери, иногда въ видѣ старика. Ярилу также приписывался и женскій образъ. Ярило, прекрасный Солнца, даетъ растительную силу хлѣбамъ, травамъ и деревьямъ и чадородіе людямъ и животнымъ. На головѣ у него вѣнокъ изъ свѣжихъ весенніхъ полевыхъ цвѣтовъ, въ лѣвой рукѣ горсть колосьевъ—знакъ, что Ярило есть произраститель цвѣтовъ и хлѣбовъ; въ правой рукѣ у него человѣческая голова, по всей вѣроятности, голова побѣжденной имъ зимы и ночи. Въ честь его совершалось два праздника: одинъ при началѣ весны или *возрожденіе Ярилы*, другой при концѣ весны или *смерть Ярилы*. Въ настоящее время довольно трудно опредѣлить съ точностію дни этихъ праздниковъ. Впрочемъ, о первомъ можно утвердительно сказать, что онъ совершался въ апрѣлѣ мѣсяцѣ; о второмъ же нельзя говорить съ такою увѣренностью. Нынѣ праздникъ смерти весны или Ярила, какъ видѣли выше, совершается въ различныхъ мѣстностяхъ въ разное время, напранѣе въ Троицынъ день, напоздиѣе въ первое воскресенье послѣ Петрова дня; но чаще всего во Всесвятское заговѣнье, т. е. черезъ недѣлю послѣ Троицы. Троица же бываетъ между 11 числомъ мая и 14 числомъ іюня; Всесвятское заговѣнье, по этому, приходится напранѣе 18 мая и напозже 21 іюня. Подвижность праздника Троицы и Всѣхъ Святыхъ, конечно, была причиною того, что празд-

[1]) Терещенка, «Бытъ русск. нар.» т. V, стр. 99—104 и др., т. VI, стр. 187, 189, 190 191 и др.; также Сахарова, «Сказанія», т. II, стр. 90-92.

никъ Ярила, съ принятіемъ христіанства, былъ оторванъ отъ опредѣленнаго дня и числа и сталъ передвигаться съ одного числа на другое, съ одного праздника на другой. Праздновать же торжество Ярила въ будній день, а не въ праздничный для новообращенныхъ христіанъ было неловко. Несомнѣнно кажется то, что это былъ послѣдній праздникъ весенній.

По своимъ обрядамъ и идеѣ праздникъ Ярилы наиболѣе подходитъ къ торжеству Адониса. Праздникъ Адониса (солнца) Греки совершали весною два дня: въ первый день носили изображеніе Адониса, прекраснаго юноши, пѣли унылыя пѣсни, печально играли на флейтахъ и приносили погребальную жертву. Въ Александріи дѣлали изображеніе мертваго человѣка, несли на погребальныхъ носилкахъ и ставили на колоссальный катафалкъ. На другой или на третій день совершалось торжество воскресенія или обрѣтеніе Адониса, сопровождавшееся шумными и веселыми восклицаніями и оргіями. Праздникъ этотъ совершался то въ мартѣ, то въ іюнѣ мѣсяцѣ. Адонисъ былъ богомъ солнца. Его смерть означала зиму, изображавшуюся въ видѣ вепря, поразившаго Адониса; его воскресеніе знаменовало весну [1]).

Выше было сказано, что чучело Ярила изображало его со всѣми естественными частями, которыя нарочно представлены были въ увеличенномъ размѣрѣ. Мужскіе половые органы всюду почти служили символомъ производительности и были, по этому, священными предметами; довольно вспомнить фаллосъ древнихъ и лингамъ Индусовъ. Солнечныя божества всегда изображались съ фаллосами, которые играли немалую роль въ празднествахъ въ честь этихъ боговъ. Таковы Гермесъ, Пріапъ, Вакхъ и др. Извѣстно, что въ праздникъ Вакха одна изъ женщинъ носила большое изображеніе фаллоса. Египтяне, въ этотъ праздникъ, по словамъ Геродота, употребляли изваянія Вакха, величиною почти въ локоть, сотрясаемыя жилою. Женщины носили эти изображенія по деревнямъ, помавая дѣтороднымъ членомъ, немного меньшимъ всего тѣла. „Для чего же дѣторадный членъ бываетъ больше, и при томъ онъ одинъ движется въ тѣлѣ, прибавляетъ Геродотъ,—сему приводится какая-то

[1]) Костомарова, «Слав. миѳологія», стр. 49—51.

священная причина. О Гермесѣ Геродотъ говоритъ, что Ионяне научились его дѣлать съ прямымъ тайнымъ удомъ отъ Пеласговъ. Причина же, по его словамъ, объяснялась въ самофракійскихъ таинствахъ [1]). Свѣтъ весенняго и утренняго солнца возбуждаетъ напряженное состояніе половаго органа. Вотъ почему божества весенняго и утренняго солнца, Гермесъ, Ярило и др., представлялись съ прямымъ и увеличеннымъ половымъ органомъ.

Съ официальнымъ паденіемъ язычества не съ разу могло пасть языческое міровоззрѣніе. Приняты были новыя формы, но понятія остались прежнія; надобно было народу старыя понятія вложить въ новыя формы. И вотъ начинается любопытная умственная работа: характерическія черты языческихъ боговъ переносятся на идеалы новой религіи. При этомъ перенесеніи происходитъ смѣшеніе и путаница: черты одного божества передаются многимъ религіознымъ идеаламъ, и на оборотъ, обязанности многихъ боговъ переносятся на одного святаго. Нѣкоторыя черты, характеризующія древне-славянскаго бога Ярила, мы рѣшаемся видѣть въ народномъ представленіи о Егоріи храбромъ. Приведемъ факты.

Св. Георгій у Малороссовъ называется «Юрій», «Юрко» «Юря», «Юрть», у Червонорусовъ—«Ирьи» у Поляковъ «Jerzy». Названія эти близки къ корню *яр*, который, въ славянскихъ языкахъ, имѣетъ и форму *юр*. Такъ, по польски «jurzyć się»—значитъ *яриться*, «jurny»—*ярый, похотливый*, «jurnosć»—*ярость, похотливость*. Отъ того же корня происходитъ малорусскія слова: «юрити, юрю»—въ смыслѣ «jurzyć się»—бѣситься, «юрность»—*похоть, своеволіе*. «юркій» «своевольный, *быстрый, увертливый*. Названіе св. Георгія «Ирьи» также напоминаетъ древнеязическое божество, тождественное съ Яриломъ. «Ирій», «Рай» и «Вырій», по малорусски означаетъ мѣсто, откуда весной прилетаютъ къ намъ птицы. Это великорусскій островъ Буянъ (жилище солнца), мѣсто, откуда весной и по утру является возрожденное солнце. Очень естественно, что въ древности *мѣсто* восхожденія утренняго и весенняго солнца и *самое* восходящее (т. е. утреннее и весеннее) солнце назывались однимъ и

[1]) Исторія Геродота, переводъ Мартынова, 1826 г., кн. 2, XLVIII, стр. 537 и LI, стр. 541.

тѣмъ же словомъ — Ирій или Ирьи. И такъ, названія Георгія — Юрь, Юря и Ирьи, сближаются съ словомъ Ярило.

Въ Бѣлоруссіи св. Георгій покровительствуетъ коровамъ: «Юрій коровъ пасець, а Микола коней»; впрочемъ онъ тамъ почитается въ видѣ коня. Дѣвушки пляшутъ около коня и поютъ:

Разыгрався Юря коникъ,
Залаценьки коникъ [1]).

Дѣло доказанное, что языческіе предки наши сближали понятіе свѣта съ цвѣтами золотымъ, бѣлымъ и краснымъ, а понятія тьмы съ понятіями цвѣта темнаго и чернаго. Оттого солнце представляется всегда въ видѣ животнаго или человѣка цвѣтовъ бѣлаго, золотаго или краснаго, а тьма въ видѣ черныхъ животныхъ и людей (чертей). Въ приведенномъ «залаценькомъ коникѣ» нельзя не видѣть весенняго солнца (Ярила) въ первоначальномъ его зооморфическомъ образѣ. Вѣрованіе въ игру солнца весной общее многимъ народамъ индоевропейскаго племени. По русскимъ народнымъ преданіямъ, Георгій также имѣетъ свѣтлую природу. Волосы у Егорія что «ковыль-трава» или «желты кудри»:

Молодой Егорій свѣтлохрабрый—
По локоть руки въ красномъ золотѣ,
По колѣно ноги въ чистомъ серебрѣ,
И во лбу солнце, въ тылу мѣсяцъ,
По косицамъ звѣзды перехожія [2]).

По другому представленію, Георгій является въ видѣ бѣлаго всадника, разъѣзжающаго на бѣломъ конѣ. По выраженію малорусскаго заклинанія, Юрій ѣздитъ, «на бѣлому конѣ, бѣли губы, бѣли зубы, самъ бѣлый, въ бѣле одигся, бѣлымъ подперезався» (опоясался) [3]). Тоже самое и въ великорусскихъ заклинаніяхъ: «Стоитъ храбръ Егорей и на сильномъ конѣ, самъ бѣлъ и кнутъ бѣлъ, и рукавицы бѣлыя, и борода бѣлая, и залучастъ, и загоняетъ (въ ло-

[1]) Караселова, «Памятники народнаго быта Болгаръ», кн. I, стр. 215.

[2]) Якушкина, «Русскія пѣсни», стр. 15.

[3]) Изъ составленнаго мною рукописнаго собранія малорусскихъ и великорусскихъ заклинаній.

вушки) лисицъ бурыхъ долгохвостыхъ, залучаетъ, загоняетъ бѣлыхъ пухлыхъ рыхъ зайцевъ...» [1]). Въ малорусскихъ легендахъ св. Георгій всегда представляется окруженнымъ волками, въ числѣ *тридцати*.

Извѣстно, что по древнѣйшимъ вѣрованіямъ многихъ народовъ волки считались символомъ тьмы и холода, нападавшими на свѣтъ и теплоту солнца. Съ теченіемъ времени, они начали дѣлаться представителями свѣта, именно лучей солнца. Такимъ образомъ всадникъ, разъѣзжающій на бѣломъ конѣ и окруженный волками, знаменуетъ собою солнце, испускающее свѣтозарные лучи. Таковъ былъ Аполлонъ Грековъ; таковъ долженъ быть и Ярило. Волки, окружающіе св. Георгія, по малорусски называются «хортами св. Юрія». Слово «хортъ», уцѣлѣвшее также въ Архангельской губерніи, означаетъ борзаго кобеля [2]) и имѣетъ ближайшую связь со словами «Хръсъ» или «Корсъ», означающими солнечнаго бога и родственными съ древне-чешскимъ «kres», *огонь*, и ц.-слав. «крѣсъ», *солнооборотъ*; подобно тому какъ латинскія lupus и lux, греческое λύκος означаютъ *волка* и *свѣтъ*. Литовцы думаютъ, что св. Георгій былъ охотникомъ и вмѣсто собакъ употреблялъ волковъ. Въ Малороссіи онъ прямо называется «богомъ волковъ», которыхъ онъ пасетъ и питаетъ: «св. Юрь звѣря пасе», говоритъ пословица. Великорусскія поговорки: «у волка въ зубахъ, что Егорій далъ», «ловитъ волкъ роковую овечку», «обреченная скотинка ужь не животинка» и др. свидѣтельствуютъ о томъ же. Между Великоруссами, Малоруссами и Бѣлоруссами ходитъ много разсказовъ о св. Георгіѣ, какъ покровителѣ волковъ. Приведемъ въ примѣръ нѣсколько. Вотъ разсказъ о св. Егоріѣ, слышанный мною въ г. Онегѣ, Архангельской губерніи: — Работаетъ крестьянинъ на гумнѣ и видитъ: стоитъ Егорій, отецъ, храброй, а около него волки воютъ: просятъ у него пищи. Св. Егорій приказываетъ имъ взять у того крестьянина лошадь съ бѣлою лысиною во лбу. Услыхавъ это, крестьянинъ тотчасъ побѣжалъ къ своей лошади и замазалъ ей лысину сажей. Прибѣжали

---

[1]) Изъ моего сборника заклинаній.

[2]) По польски борзая собака тоже «chart».

волки, смотрятъ: лошадь безъ лысины. Они опять къ св. Егорію. Св. Егорій разсказалъ имъ, что сдѣлалъ хитрый мужикъ, и велѣлъ имъ снова идти назадъ. Тогда они вновь бросились на лошадь и разорвали ее по частямъ.—Другой разсказъ о посредничествѣ между волкомъ и человѣкомъ существуетъ въ Орловской губерніи [1]). Въ повѣстяхъ г. Даля находимъ еще разсказъ «о Георгіи храбромъ и волкѣ». Здѣсь повѣствуется о томъ, какъ Георгій училъ волка добывать себѣ пищу, и какую неудачу волкъ терпѣлъ на каждомъ шагу: Георгій поочередно посылаетъ волка съѣсть быка, коня, барана, кабана и человѣка; но всѣ они обманываютъ дурака-волка и не только что избавляются отъ него, но еще наносятъ ему раны: быкъ бросаетъ его рогами, конь бьетъ его задомъ, а баранъ своимъ крѣпкимъ лбомъ, кабанъ ранитъ клыкомъ, и наконецъ, люди зашиваютъ его въ собачью шкуру и бьютъ.—Въ малорусской сказкѣ «о портномъ и волкѣ» волка посылаетъ на добычу не св. Георгій, а *богъ*. Былъ себѣ, сказано въ началѣ этой сказки,—у попа портной, и отправился онъ въ селеніе заниматься работой; а въ это время несчастному волку *не послалъ Богъ корму*. Волкъ взлѣзъ на гору и проситъ Бога: «Дай, Господи, ѣсть, а если не дашь, умру». «Иди, говоритъ Богъ волку,—що нападешъ попове, то й ѣсти тобѣ готове». Волкъ встрѣчаетъ сначала попову кобылу, потомъ барана, свинью и наконецъ портнаго. Кобыла предлагаетъ волку, прежде нежели она сдѣлается добычей его, посмотрѣть въ бумаги, принесенныя ею изъ города, и въ то время, когда волкъ началъ разсматривать бумаги, кобыла лягнула его. Баранъ, для избавленія волка отъ лишняго труда, проситъ его дозволить ему самому вскочить въ его ротъ. Волкъ раскрылъ ротъ, а баранъ бросился къ нему съ горы и такъ ударилъ волка въ лобъ, что тотъ долго не могъ прійдти въ себя. Свинья, съ дозволенія волка, начинаетъ пѣть послѣднюю пѣсню; люди услыхали и прогнали его. Портной проситъ волка позволить ему умыться передъ смертью и утереться его хвостомъ; волкъ согласился. Портной вмоталъ руки въ хвостъ и такъ его отколотилъ аршиномъ, что волкъ едва остался живъ [2]). —

[1]) См. выше, стр. 31.

[2]) «Черниговскія Губ. Вѣд.» 1860 г., № 21, «Казка про кравця и вовка», сообщ. П. Ефименко.

Мотивы, подходящіе къ нашему разсказу, есть въ баснях Езопа и въ ново-греческой сказкѣ.

Наконецъ, приводимъ еще малорусскіе разсказы о св. Георгіѣ и о волкахъ:

I. Ночевали «почлѣжники» [1]), тридцать человѣкъ. Волки воютъ да воютъ возлѣ одного дуба. Вотъ они и говорятъ: «Что если бы нашелся между нами такой, который бы переночевалъ на томъ дубѣ!» Одинъ изъ почлежниковъ говоритъ: «Я переночую». Согласились дать ему съ души по рублю. Вотъ тотъ пришелъ къ дубу, взлѣзъ на него и сидитъ. Пріѣзжаетъ на бѣломъ конѣ св. Георгій, а передъ нимъ волковъ «тридцать человѣкъ» [2]). Одному велитъ овцу съѣсть, другому ягненка, третьему гуся и т. д.; «А тебѣ, хромой, то, что на дубѣ». На другой день приходятъ парни, гонятъ, гонятъ волка— не идетъ; едва отогнали.... Вотъ слѣзаетъ тотъ и говоритъ: «Ужь мнѣ больше не жить на свѣтѣ». Не беретъ денегъ и велитъ, чтобы на эти деньги совершили его похороны. На другую ночь легли, по срединѣ положили его, и всѣ положили на него свои головы. По утру просыпаются — нѣтъ товарища: неизвѣстно куда дѣвался [3]).

II. Ѣхалъ одинъ горшечникъ изъ Рѣнокъ, пріѣхалъ въ долину, остановился; бѣжитъ множество волковъ. Онъ видитъ, что бѣда, и взлѣзъ на дубъ. Потомъ пришелъ какой-то человѣкъ (а то былъ Егорій святой). «А слазь, говоритъ, — если тебѣ смерть, то и на дубѣ будетъ смерть, слазь, ничего тебѣ не будетъ, ложись!» Тотъ человѣкъ слѣзъ и легъ. Онъ (св. Егорій) сталъ распоряжаться волками: этому сюда, а тому туда, а «двѣнадцать человѣкъ» во дворъ къ знахарю: «Онъ знахарь, а я лучше его знахарь». У этого знахаря было сорокъ лошадей; такъ они ихъ всѣхъ до утра и передушили; тотъ же человѣкъ всталъ по утру и поѣхалъ [4]).

---

[1]) Почлежниками въ Малороссіи называются пастухи, сберегающіе скотъ на почлегахъ въ поляхъ.

[2]) Выраженіе «тридцать человѣкъ волковъ» постоянно употребляется въ подобныхъ разсказахъ.

[3]) Этотъ разсказъ помѣщенъ по малорусски въ моей статьѣ «О волкахъ и волчьемъ богѣ Полисунѣ» (см. «Черниг. Губ. Вѣд.» 1859 г. № 23, стр. 157). Варіантъ его см. въ «Основѣ» за 1861 г., кн. V, «Хуторянка» С. Носа, стр. 67.

[4]) Тамъ же; по малорусски.

III. *Варіантъ 1-й.* Ѣхалъ панъ мимо нивъ; смотритъ: человѣкъ пожнетъ недолго и сядетъ, пожнетъ и сядетъ. Это удивило пана; онъ посылаетъ слугу спросить у того человѣка: зачѣмъ онъ такъ часто отдыхаетъ? Тотъ человѣкъ отвѣчалъ: «Когда прійдетъ счастливая минута, то я жну, а если настанетъ минута несчастливая, такъ я отдыхаю». Панъ догадался, что это «непростой» человѣкъ, велѣлъ призвать его къ себѣ и говоритъ: «Если ты знаешь наступленіе счастливой и несчастливой минуты, то скажи мнѣ: когда и какою смертью я умру?» Тотъ знатливый человѣкъ сказалъ: «Сначала умру я, меня убьетъ доской, потомъ твой слуга: онъ самъ наложитъ на себя руку, а послѣ того, ты, пане: тебя волкъ съѣстъ». Панъ поѣхалъ домой и началъ ежедневно ѣздить на охоту—истреблять волковъ и уже всѣхъ истребилъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, панъ снова ѣдетъ прежнею дорогою и видитъ, что изъ села несутъ хоронить крестьянина. «Кто у васъ умеръ?» спрашиваетъ онъ. «Панъ знахарь; доской его пришибло». Панъ вспомнилъ все. Ѣдетъ домой; на дорогѣ получаетъ извѣстіе, что его слуга повѣсился. Ѣдетъ дальше; встрѣчается ему хорошая, прехорошая дѣвочка. Она остановилась и проситъ подвезть ее. Панъ согласился. Подъѣзжаютъ къ барскому двору. Смотрятъ: нѣтъ пана, только одни кости. Это была не дѣвушка, а волкъ, превратившійся въ нее [1]).

По *2-му варіанту*, панъ, истребляя волковъ, клалъ кожи ихъ на чердакъ. Въ роковой день, одна изъ кожъ обратилась въ волка, который и сожралъ пана.

Въ *3-мъ варіантѣ*, человѣкъ, обреченный на съѣденіе волкамъ, приходитъ домой къ брату и говоритъ ему: «Мнѣ больше не жить на бѣломъ свѣтѣ: я обреченъ волкамъ на съѣденіе». Сказавши это, онъ полѣзъ на печь. По утру пищутъ брата: взглянули на печь; тамъ только косточки его. Это волкъ превратился въ кота, да какъ всѣ уснули — и съѣлъ обреченнаго [2]).

IV. Ѣхали этимъ лѣсомъ [3]) Борисполыцы домой и увидѣли, что волкъ давитъ овцу. Вотъ одинъ изъ нихъ и говоритъ: «Надобно от-

---

[1]) Этотъ разсказъ, доселѣ не изданный, записанъ мной въ г. Черниговѣ.

[2]) Этотъ разсказъ слышанъ мною въ Черниговѣ, онъ нигдѣ не напечатанъ.

[3]) Эта легенда разсказана мнѣ въ Броварскомъ лѣсу, подъ Кіевомъ; она нигдѣ не напечатана.

пять овцу». Отняли и положили въ сани тому крестьянину. Начали погонять; поѣхали; только осматриваются, тотъ крестьянинъ не ѣдетъ: волы не трогаются съ мѣста. Начали ему помогать, били, били воловъ — стоятъ неподвижно; сбросили все, что было на саняхъ, и не идутъ; припрягли другую пару—ни съ мѣста. Мучились, мучились и бросили того крестьянина самого въ лѣсу. Остался, бѣдняга, одинъ. Хочется ему покурить, да нѣтъ огня. Осматривается: возлѣ дороги горитъ огонь. Онъ туда; приходитъ, а тамъ человѣкъ на бѣломъ конѣ, окруженный волками. Онъ страшно струсилъ, но все-таки рѣшился попросить огня. Какъ крикнетъ на него тотъ человѣкъ, который сидѣлъ на бѣломъ конѣ, какъ начнетъ его ругать! А все за то, что онъ отнялъ пищу у волка. Потомъ успокоился, далъ огня и говоритъ: «Смотри, въ другой разъ этакъ не дѣлай, а то бѣда будетъ». И приказалъ ему ѣхать домой. Крестьянинъ пошелъ, сѣлъ на сани и поѣхалъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Наши вѣрованія въ то, что св. Егорій является окруженнымъ тридцатью волками и распоряжается ими, имѣютъ нѣчто общее съ вѣрованіемъ Французовъ въ волчьихъ вожатыхъ (meneurs de loups), т. е. такихъ людей, которые умѣютъ покорять волковъ, пріучать ихъ къ себѣ и управлять ими. Есть немало французскихъ разсказовъ о томъ, какъ многіе встрѣчали, при первыхъ лучахъ мѣсяца, на перекресткахъ дорогъ, человѣка, шедшаго скорыми шагами и сопровождаемаго болѣе, нежели тридцатью волками (никогда менѣе). Однажды два человѣка увидѣли въ лѣсу стадо волковъ и, испугавшись такой встрѣчи, влѣзли на дерево, откуда видѣли, какъ звѣри остановились передъ хижиною дровосѣка, котораго всѣ считали колдуномъ. Волки окружили хижину и подняли жестокій вой; дровосѣкъ вышелъ къ нимъ, поговорилъ съ ними, прошелся между ними, и они разсѣялись, не причинивъ ему ни малѣйшаго вреда.

Жоржъ Зандъ, сообщившая этотъ разсказъ, предполагаетъ, что люди, живущіе среди лѣсовъ, могли открыть средство покорять себѣ волковъ, какъ это дѣлаютъ укротители дикихъ звѣрей, заключенныхъ въ клѣткахъ [1]). Можетъ быть, это и такъ. Въ такомъ

[1]) «Современникъ» 1852 г., т. смѣсь, «Ночныя видѣнія въ деревняхъ», ст. Жоржъ Зандъ, стр. 75.

случаѣ и у насъ должны были быть такіе же люди; ибо откуда же взялось повѣрье, что св. Георгій ѣздитъ, окруженный тридцатью волками? Кромѣ миѳической причины, можно предполагать и реальное основаніе миѳа.

Для полученія себѣ пищи волки, по малорусскому повѣрью, вымаливаютъ ее весь въ теченіи двѣнадцати дней, стоя на дыбахъ передъ св. Георгіемъ; поэтому, когда бываетъ слышенъ вой волковъ, то народъ въ Великороссіи, Малороссіи и Бѣлоруссіи говоритъ, что они просятъ у Бога пищи. Животное, назначенное волкамъ въ добычу, не можетъ нигдѣ укрыться отъ нихъ:—«хочь у нёчь замажъ, то знайде». При приближеніи волка къ стаду овецъ, роковая овца не только не уходитъ отъ него, но напротивъ сама, съ глазами, налившимися кровью (поэтому говорятъ: «вовче червоне», *волчье красное*), бѣжитъ къ нему. Животнаго, задушеннаго волками, какъ назначеннаго самимъ Богомъ, народъ не употребляетъ въ пищу—развѣ только въ такомъ случаѣ, когда священникъ освятитъ его. Въ Великороссіи вовсе не употребляютъ такихъ животныхъ; у Бѣлоруссовъ существуетъ повѣрье, что если волкъ изранитъ и послюнитъ какую нибудь домашнюю скотину, то она не уйдетъ отъ его зубовъ; отсюда произошла поговорка о такомъ животномъ: «гето уже на слюпено». Волки дѣлятся по уѣздамъ и урочищамъ и, притомъ, такъ, что волки одной мѣстности смѣютъ сами, безъ приказанія св. Георгія, переходить въ другую [1]).

Мы говорили, что св. Георгій въ Малороссіи называется богомъ волковъ. Въ Бѣлоруссіи ему посвящены коровы. Покровительство Егорія стадамъ высказано въ великорусской пословицѣ: «Егорій да Власъ всему богатству глазъ». У Болгаръ, онъ покровитель пастушества и земледѣлія (самое слово Γεώργιος по гречески значитъ *земледѣлецъ*). Въ г. Олегѣ св. Георгія называютъ «конскимъ богомъ». Въ великороссійскомъ стихѣ духовномъ, Егорій представляется устроителемъ міра; онъ ѣздитъ по Свѣтлорусской землѣ и даетъ всему порядокъ: устанавливаетъ горы, лѣса, рѣки, размѣщаетъ звѣрей и скотъ, даетъ и благословляетъ пищу волкамъ и т. д. У Бѣлоруссовъ онъ, весной и утромъ, отмыкаетъ сырую землю:

---

[1]) Приведенныя малорусскія повѣрья записаны мною въ Черниговской губерніи.

Святый Юрья, божій посолъ,
До Бога пашовъ,
А узявъ ключи золотые,
Атамкнувъ землю сырусенькую,
Пущавъ росу цяплюсенькую
На Бѣлую Русь и на увесь свѣтъ [1]).

Егорій податель жизни и воскреситель людей. Есть, по великорусскому преданію, какое-то царство, гдѣ люди, умирающіе на зиму, воскресаютъ весной на Егорія. Это царство, конечно, наша земля, которую, по утру и весной, солнце воскрешаетъ или избавляетъ отъ ночи и зимы. Егорій покровитель плодовъ земныхъ; онъ зарождаетъ травы и хлѣба: «Сѣй разсаду до Егорья, будетъ цей довольно»; «коли на Егорьевъ день листъ въ полушку, на Ильинъ день клади хлѣбъ въ кадушку»; «коли на Егорьевъ день морозъ, то и подъ кустомъ овесъ;» «на Егорья брось жердку,— обростетъ за ночь»; «на Юрья ворона въ житѣ схоронится». Егорій побѣдитель страшнаго змія [2]).

И такъ, въ образѣ и дѣятельности св. Георгія мы узнаемъ слѣдующія черты бога Ярила: Ярило назывался также Юромъ и Юрьемъ. Онъ сначала представлялся въ видѣ бѣлаго коня, потомъ въ видѣ бѣлаго свѣтоноснаго юноши, разъѣзжающаго на бѣломъ конѣ и окруженнаго тридцатью волками, служащими ему какъ бы гончими собаками, которымъ онъ покровительствовалъ и назначалъ пищу. Подъ видомъ волковъ, окружавшихъ Ярила, сначала представлялись лучи солнца; потомъ преданіе начало понимать миѳъ о волкахъ буквально. Въ этомъ видѣ Ярило совершенно сходенъ съ Аполлономъ. По другому представленію, Ярило ходитъ весной по полямъ въ вѣнкѣ изъ полевыхъ цвѣтовъ и помахиваніемъ снопика ржи роститъ хлѣба. По третьему представленію, у Ярила руки по локоть въ красномъ золотѣ, ноги по колѣни въ чистомъ серебрѣ, во лбу солнце, въ тылу мѣсяцъ, по косицамъ звѣзды. Ярило считался богомъ *волковъ, лошадей, коровъ, птицъ и другихъ животныхъ, богомъ подателемъ плодовъ земныхъ,*

[1]) «Памятники народнаго быта Болгаръ», кн. I, стр. 216.
[2]) Тамъ же, стр. 216—219.

подателемъ жизни, устроителемъ вселенной, побѣдителемъ змія, т. е. зимы и ночи.

Если св. Георгій, со введеніемъ христіанства, принялъ на себя черты бога Ярила, то, конечно, и въ праздникѣ въ честь Георгія должны находиться черты Ярилина торжества. Поэтому, разсмотримъ, какимъ образомъ Егорьевъ день (23 Апрѣля) праздновался у Славянъ и другихъ народовъ индо-европейскаго племени.

Великорусы, въ разныхъ губерніяхъ, слѣдуя поговоркѣ: «выгоняй скотъ на Юрьеву росу», рано утромъ въ Егорьевъ день выгоняютъ, всею деревнею, скотину въ поле, освященною вербою; собираются всѣмъ міромъ, служатъ молебны на поляхъ, угощаютъ пастуховъ водкою, пирогами и яишницею и надѣляютъ ихъ холстомъ и деньгами; при этомъ, конечно, и сами угощаются.

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Костромской губерніи поселяне ночью «окликаютъ» Егорья слѣдующею пѣснею:

Мы вокругъ поля ходили,
Егорьи окликали,
Макарья величали:
Егорій ты нашъ храбрый,
Ты спаси нашу скотинку
Въ полѣ и за полемъ,
Въ лѣсу и за лѣсомъ,
Подъ свѣтлымъ подъ мѣсяцемъ,
Подъ краснымъ солнышкомъ,
Отъ волка отъ хищнаго,
Отъ медвѣдя лютаго,
Отъ звѣря лукаваго...

Въ Великороссіи, Малороссіи, Сербіи, Иллиріи, Герцеговинѣ и Болгаріи Юрьевъ день былъ временемъ разнаго рода сдѣлокъ, торговъ и временемъ перехода поселянъ отъ одного владѣльца къ другому. Кому не извѣстно значеніе поговорки: «Отъ тобѣ, бабо, и Юрьевъ день» («Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день»)! До сихъ поръ въ Великой Россіи сохранился у поселянъ обычай съ Юрьева дня начинать всѣ торговыя сдѣлки и назначать сроки. Работники нанимаются съ Юрьева дня. Невѣсты молятъ св. Егорія о дарованіи жениховъ и ходятъ въ этотъ день разубранными: «наря-

жается, говорятъ,—словно баба на Юрьи» [1]). Въ г. Онегѣ Егорьевъ день считается конскимъ праздникомъ. Въ этотъ день приводятъ лошадей къ церкви, предварительно вычистивши и вымывши ихъ и заплетши имъ въ гривы и чолки ленты. У церкви священники служатъ молебны св. Георгію и кропятъ лошадей священною водою. Лошади въ этотъ день пользуются самымъ лучшимъ кормомъ и до вечера гуляютъ на поскотинѣ [2]). Впрочемъ, обрядъ этотъ совершается на св. Егорія, кажется, только въ одномъ Онежскомъ уѣздѣ; во всей же остальной Россіи, начиная съ Архангельска и до Малороссіи, онъ совершается на св. Флора и Лавра, которые почитаются тамъ покровителями лошадей.

Малороссы также совершаютъ первый выгонъ скота въ поля на Юрьевъ день и также освященной вербою; подгоняя ею скотину, приговариваютъ: «иди собѣ съ богомъ [3])! Служатъ на поляхъ молебны, составляютъ пирушку, дарятъ пастуховъ хлѣбомъ, яицами и разными жарками, просятъ ихъ беречь скотъ, который, кромѣ того, поручаютъ особенному покровительству св. Георгія. Думая, что засѣянный хлѣбъ поднимается на поляхъ отъ вліянія Юрка, они служатъ въ честь его молебны на поляхъ, окропляя ихъ святою водой. Малороссы вѣрятъ, что если выгонять скотъ на Юрьеву росу, то онъ въ теченіи года будетъ красивѣе и тучнѣе, и самая рожь станетъ расти лучше. Поэтому, пословица совѣтуетъ: «догодуй скотину до Юрія, та й вила закинь». Однако роса можетъ сдѣлаться и вредною для скота: если знахари и вѣдьмы, которыя на зорѣ этого дня нарочно выходятъ въ поле, соберутъ Юрьеву росу на разостланный холстъ и набросятъ его на рогатый скотъ, то онъ отъ этого дѣлается тощимъ и недойнымъ. Въ этотъ день вѣдьмы и знахари чрезвычайно опасны для коровъ, потому что они обращаются въ разныхъ животныхъ, телятъ, собакъ, кошекъ и пр., и высасываютъ у коровъ молоко [4]).

Въ задѣпровской Малороссіи въ этотъ день, на краяхъ нивъ

[1]) «Быт. русск. нар.», т. VI, стр. 26—36.

[2]) Записано мною въ г. Онегѣ.

[3]) «Черн. губ. вѣд.» 1854 г. № 13, стр. 65.

[4]) «Бытъ русск. нар.», т. VI, стр. 29 и др.

*

закапываютъ кости священныхъ поросятъ и ягнятъ, для сохраненія нивъ отъ бури и граду [1]). При выгонѣ въ первый разъ скота на пастьбище, Малороссы предохраняютъ его на весь годъ отъ нападенія волковъ нижеслѣдующимъ заклинаніемъ: Берутъ сучекъ дерева, однимъ концомъ его прикасаются къ затылку, а другимъ упираются въ какой нибудь предметъ, дерево, зданіе и пр.; и приговариваютъ:

Молюся Богу,
Матери Божой,
Всѣмъ святымъ ёго,
Св. Георгію, хортовъ припинающому,
Якъ симъ сучкамъ не развиватися,
Такъ и хортамъ моєи скотины (такой то масти) не чіпати [2]).

Въ Червонной Руси совершаются на Юрьевъ день семейныя пирушки; дѣвушки поютъ пѣсни. Пастухи встрѣчаютъ Юрьевъ день пѣснями, варятъ кашу и молятъ св. Георгія о предохраненіи скота отъ всякаго несчастія. Выгонъ скоту на Юрьеву росу предохраняетъ его отъ порчи вѣдьмъ. Послѣ пира мужчины ѣздятъ верхомъ на лошадяхъ, думая, что между ними присутствуетъ св. Георгій на конѣ и также рыщетъ верхомъ; какъ защитникъ всякаго скота, онъ, по ихъ мнѣнію, не допуститъ портить его. На тѣхъ лошадяхъ, на которыхъ не ѣздили въ день св. Георгія, ѣздятъ ночью черти [3]). Гуцулы и Подгоряне, на канунѣ св. Егорія, вечеромъ, возжигаютъ огни на своихъ горахъ, которыя кажутся тогда объятыми пламенемъ. Это называется «Юрика палити». Эта ночь считается страшною для людей и скота, потому что тогда именно вѣдьмы летаютъ по воздуху на метлахъ и причиняютъ большой вредъ. Для того, чтобы отогнать нечистую силу, раскладываютъ огни, намазываютъ ободверины и пороги крестообразно дегтемъ и чеснокомъ. На другой день, на ворота кладутъ вѣтви деревъ и увѣнчиваютъ рогатый

---

[1]) «Lud Ukraiński», Nowosielskiego, W., 1857, T. I., str. 125.

[2]) «Черниг. губ. вѣд.» 1859 г., № 23, стр. 157. См. также «Черн. губ. вѣд.» 1858 г., № 17, «О заговорахъ» Шишацкаго-Ильича, стр. 128—129.

[3]) «Быт русск. нар.», т. VI, стр. 29.

с отъ цвѣтами, радуясь что провели спокойно страшную ночь [1]). При выгонѣ стадъ на пастьбища, весною, Гуцулы дѣлаютъ пиръ для пастуховъ, на немъ приготовляютъ пирогъ, въ видѣ барашка, который, какъ жертва Богу, разрѣзывается на части рукою главнаго «бачи» [2]), и остатки котораго берегутся пастухами въ видѣ лѣкарства для овецъ [3]).

Въ Бѣлоруссіи, въ день св. Егорія (Ягорія), каждый хозяинъ или кто либо старшій изъ его семейства выгоняетъ скотъ освященной вербой въ поле, на росу, которую считаютъ приносящею здоровье скоту: «Юрьева роса — не треба коням овса» (ею окропляютъ домашнихъ животныхъ). Молодежь обоего пола считаетъ Юрьеву росу полезною отъ веснушекъ; по этому рано утромъ, до восхода солнца, старается умыться ею. Обильная Юрьева роса, по замѣчанію хозяевъ, предвѣщаетъ хорошій урожай. Скотъ, выгнанный на Юрьеву росу, по вѣрованію Бѣлоруссовъ, принимается св. Георгіемъ подъ свою защиту [4]). Вербу, которою пригоняютъ скотъ, хозяева втыкаютъ въ землю на поляхъ и почитаютъ ее «за пастуха». Если въ этотъ день на полѣ попадется конская голова, то берутъ ее и надѣваютъ на колъ, для предохраненія лошадей отъ падежа. Пастухи въ этотъ день получаютъ отъ хозяевъ пироги, яйца и разное печенье [5]).

Въ Сербіи, Иллиріи и Черногоріи скотъ на Георгія выгоняютъ освященною вербою, отслуживши молебны у колодцевъ и окропивши его святою водою. Сербскія дѣвицы просятъ св. Георгія о дарованіи имъ женіховъ. Въ Босніи, Герцеговинѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ у турецкихъ Славянъ жарятъ ягненка, котораго съѣдаютъ торжественно [6]). Но нигдѣ, кажется, 23 Апрѣля, не празднуется съ такимъ торжествомъ, какъ въ Болгаріи [7]).

---

[1]) «Галицкая заря» 1852 г., № 39, «Письмо изъ гор. Коломыйскихъ».

[2]) Старшій пастухъ.

[3]) Срезневскаго, «О язык. богосл. Слав.», стр. 79

[4]) Терещенка, «Быт. русск. нар.», т. VI, стр. 29; «Памятн. нар. быта Болгаръ», кн. I, стр. 218.

[5]) Сообщено въ г. Холмогорахъ Бѣлоруссами В. и А. Зенковичами

[6]) «Быт. русск. нар.», т. VI, стр. 28.

[7]) Нижеслѣдующее описаніе составлено для меня въ Кіевѣ Болгариномъ М. Дриновымъ.

«Одинъ изъ народныхъ и при томъ самыхъ веселыхъ праздниковъ у Болгаръ есть праздникъ св. Георгія Побѣдоносца. Цѣлый годъ Болгары съ пріятностію вспоминаютъ объ этомъ праздникѣ и радостно его ожидаютъ. Въ лицѣ св. Георгія они почитаютъ покровителя земледѣльцевъ и пастырей и назначаютъ ему въ этотъ день жертву, «хлѣбъ и барашка», которую совершаютъ слѣдующимъ образомъ:

«На канунѣ этого праздника (22 Апрѣля) молодыя Болгарки рано утромъ, чуть солнышко встанетъ, одѣтыя въ праздничное платье, отправляются по воду на «изворъ» [1]), окруженный зелеными лугами. Оставивъ свои «мѣдники» [2]) возлѣ извора, расходятся по роснымъ лугамъ, рвутъ съ веселостью весенніе цвѣты, изъ которыхъ заботливо свиваютъ «китку» [3]) св. Георгію. Приготовивъ ее, возвращаются къ покинутымъ мѣдникамъ, наполняютъ водою изъ извора и вмѣстѣ съ киткою относятъ домой. Тамъ обмываютъ «поцвы» [4]) и начинаютъ изъ самой чистой муки тою же водою мѣсить хлѣбъ. Хлѣбы мѣсятся двоякой формой: «кошары» и «кровàи». Кошары предназначаются пастухамъ и раздаются имъ на другой или на третій день. Одинъ изъ кроваевъ въ тотъ же день къ вечеру беретъ старуха въ домъ, кладетъ на него китку св. Георгія, закутываетъ чистымъ «месàломъ» [5]) и, вручивъ молодой невѣстѣ, отправляется вмѣстѣ съ нею въ церковь или на другое мѣсто, гдѣ обыкновенно собирается деревня въ подобныхъ случаяхъ. Приходитъ туда и священникъ, благословляетъ принесенные кровàи и беретъ себѣ «порязаницу» [6]); остальной хлѣбъ раздаютъ бѣднымъ, кромѣ небольшаго куска, который относится домой съ китою. Кусокъ хлѣба раздѣляютъ между домашними, а китку ставятъ въ божницу, гдѣ она сохраняется въ теченіи цѣлаго года. Если заболѣетъ какое нибудь домашнее животное, то ему въ пищу подмѣшиваютъ часть китки, что почитается священнымъ лѣкарствомъ.

[1]) Неглубокій колодецъ.
[2]) Котлы.
[3]) Вѣнокъ.
[4]) Ночевки.
[5]) Полотенце.
[6]) Такъ называется кусокъ, отдаваемый священнику.

«На слѣдующій день, какъ только зоря возвѣститъ наступленіе радостнаго праздника, изъ земледѣльческихъ домовъ молодые люди, взявъ по кроваю и по «плòску» или «бъклицу» [1]) вина, отправляются въ поле на жатву. Держа въ одной рукѣ кровай, а въ другой плоску, каждый изъ нихъ ходитъ вокругъ своей нивы, а потомъ всѣ собираются вмѣстѣ. Усѣвшись на холмѣ, возвышающемся среди зеленой жатвы, ѣдятъ кроваи и пьютъ вино, молясь по очередно, чтобы св. Георгій развеселилъ ихъ нивы и даровалъ имъ большіе колосья, полные крупнаго зерна. Позавтракавъ такимъ образомъ, катаются по росѣ, чтобы не болѣли кости, рвутъ колосья съ нивъ и росные цвѣтки съ полей и спѣшатъ домой до восхода солнца. Начинается приготовленіе барашка: надѣваютъ ему на голову вѣнокъ, сплетенный изъ колосьевъ и цвѣтковъ, принесенныхъ молодыми людьми съ нивъ и полей, связываютъ ему ноги вмѣстѣ и полагаютъ на «парал'ю», усыпанную цвѣтами; на вѣнкѣ прилѣпляютъ двѣ зажженныя восковыя свѣчи. Тогда приступаетъ домохозяинъ, съ открытою головою, къ лежащему на цвѣткахъ барашку, окруженному мальчиками дома, кадитъ его и, перекрестившись, заколаетъ [2]). Потомъ кровью его намазываетъ лица присутствующихъ малютокъ крестообразно —на челѣ, бородѣ и щекахъ, остальную кровь молодые люди тщательно собираютъ въ котелъ, приносятъ на рѣку и торжественно ее изливаютъ при выстрѣлахъ изъ пистолетовъ [3]). Поджаривъ барашка, несутъ его съ кроваемъ въ церковь или на другое мѣсто, почитаемое въ деревнѣ священнымъ, и, по благословеніи священникомъ, берутъ обратно и разносятъ нѣсколько кусковъ по сосѣдямъ; съ остальными же начинаютъ веселый обѣдъ [4]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ обѣдомъ выходятъ за дерев-

[1]) Бакляга.

[2]) При закланіи ягненка домохозяинъ читаетъ молитвы св. Георгію и потомъ, поднявъ ножъ къ верху, произноситъ: «Светы Герги, на ти ѣгне» У Болгаръ, живущихъ въ Пиротскомъ округѣ, барашка заколаютъ старцы, они же уносятъ его домой и жарятъ его на вертелѣ. Передъ закланіемъ дѣвушки и парни пляшутъ вокругъ барашка, съ пѣснями. См. «Памятн. нар. быта Болгаръ,» кн. I, стр. 211.

[3]) Кровь эта въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Болгаріи употребляется на лѣченіе людей и животныхъ отъ различныхъ болѣзней: оспы, коросты и пр.; тамъ же.

[4]) Косточки, оставшіяся отъ съѣденаго ягненка, зарываютъ въ землю. Тамъ же.

нію, на мѣсто священное, что обыкновенно бываетъ въ рощахъ. Наряжаются всѣ изъ дому въ праздничное платье, кладутъ на лошадь барашка, кровати и другія яствы и выходятъ на это мѣсто. Въ зеленой рощѣ вся деревня образуетъ нѣсколько кружковъ, разлагаетъ трапезы; приходитъ священникъ и, посѣщая по очередно всѣ трапезы, благословляетъ ихъ, беретъ отъ каждаго кровая порізанницу, плечи отъ барашковъ и ихъ шкуры. Начинается обѣдъ: плоски «ройнаго вина» непрерывно обходятъ по обѣимъ сторонамъ трапезы; каждый, принимаясь пить, призываетъ св. Георгія быть неотступнымъ покровителемъ стадъ и жатвы.

«Послѣ обѣда вся роща наполняется веселіемъ поклонниковъ Георгія: молодые люди, невѣсты и дѣвочки, покинувъ трапезу, заводятъ хороводы подъ звуки старинныхъ инструментовъ «гайды» и «гу́сли»; на другомъ мѣстѣ привязываютъ къ вѣтвистому дубу качель, на которой одна изъ молодыхъ дѣвушекъ или невѣстъ катаетъ молодца, а другіе въ то время привѣтствуютъ его веселою пѣснею. Одни старики остаются за трапезами и, не переставая опоражнивать плоски ройнаго вина, поютъ въ восторгѣ любимыя пѣсни старины. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока наступающая ночь не заставитъ ихъ поспѣшить домой. Пѣсни, которыя поютъ въ этотъ день,—священнаго содержанія. Въ нихъ воспѣвается то, какъ св. Георгій когда-то избавилъ жатву отъ грозившей погибели; гдѣ избавилъ овечку отъ хищнаго волка, гдѣ удивительно размножилъ стада и пр.

Рано раниль светы Герги,
На личенъ день, на Гергьовъ день
Обсѣдла си добра коня
Та обиде урядомъ [1]) нивє,
Урядомъ нивє и ливаде и пр.

«Впрочемъ, обряды, съ которыми отправляется веселый праздникъ св. Георгія, не вездѣ одинаковы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ въ Видинской «казѣ» [2]), въ этотъ день заколаютъ

[1]) Рядомъ.
[2]) Епархія.

общественнаго, священнаго быка, на котораго никто не смѣетъ поднять руки въ другое время года, и отъ всей деревни приносятъ въ жертву св. Георгію. Въ деревняхъ до этого дня не ѣдятъ молока, не колятъ барашковъ, не пускаютъ лошадей и скота на подножный кормъ и не купаются въ рѣкѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ этотъ день бываютъ «збо́ры» т. е. ярмарки. Начинаются до Юрьева и Дмитріева дня.»

Литовцы въ Юрьевъ день совершаютъ жертвы изъ домашнихъ животныхъ; бѣдные же покупаютъ восковыя фигурки различныхъ животныхъ (коней, коровъ, овецъ, козъ, свиней и т. д.), продаваемыя отъ костеловъ. Крестьяне носятъ ихъ около костела, молятся, а потомъ кладутъ на престолъ. Существуетъ также обычай выходить въ поля, при чемъ совершаютъ пирушку, и народъ катается по нивѣ, съ крикомъ: «роди, Боже, роди, Боже» (хлѣбъ) [1]).

У древнихъ Сорабовъ, по свидѣтельству Дитмара, весною, при выгонѣ скота въ первый разъ на подножный кормъ, существовалъ такой обычай: по цѣлому селенію отъ двора до двора носили палку, имѣвшую рукоятку, въ видѣ руки, держащей желѣзный шаръ. Обносившій ее, вмѣстѣ съ пастухомъ, вступалъ въ избу и вскрикивалъ: «Геннилъ, бди!» Всѣ думали, что эта палка охраняетъ стадо отъ волковъ [2]). Сорабскій Геннилъ или Гонило соотвѣтствуетъ литовскому Гопиглису, богу пастуховъ. Гопиглисъ былъ олицетвореніемъ солнца, по этому и шаръ на палкѣ долженъ быть ни что иное, какъ образъ солнца. Къ Гопиглису Литовцы обращались съ мольбой защищать ихъ стада отъ волковъ въ такихъ словахъ:

Гопиглисъ божокъ,
Паси мою корову,
Паси моего бычка,
Не пускай волка-злодѣя!
Пасу, пасу мои овцы,
Тебя, волкъ, не боюсь!

---

[1]) «Litwa pod względem starozytnych zabytków», Jucewicza, Wilna, 1846, str. 184.

[2]) «Polska wiekow srednich», J. Lelewela, Poznań, 1855, I, str. 417; Костомарова, «Слав. Мивология», стр. 77.

Богъ съ солнечными кудрями
Вѣрно тебя не допуститъ.
Ладо, Ладо-солнце,
Бей его ложкою по головѣ [1]).

Греки, по принятіи христіанства, торжествовали Георгіевъ день какъ праздникъ пастушескій и земледѣльческій. Въ этотъ день они закалывали новорожденнаго изъ животныхъ для пиршества и выгоняли скотъ на пастбища. На полѣ предавались веселію и простодушно вѣрили, что св. Георгій есть покровитель скота и предохранитель отъ всякой заразы и похищенія хищными животными [2]). Изъ житія великомученика Георгія видно, что еще до времени жизни этого святаго Греки праздновали день 23 Апрѣля, какъ праздникъ пастуховъ и земледѣльцевъ.

У Римлянъ, 21 апрѣля, тоже совершался праздникъ подобнаго же характера, Палиліи: въ этотъ день пастухи накормивъ скотъ, очищали и окуривали стойла и стада сѣрою, можжевельникомъ и пр., потомъ выходили въ поле и молили боговъ объ охраненіи стадъ отъ падежа и болѣзней. Затѣмъ разводили огни, три раза прогоняли черезъ нихъ стада и сами перескакивали, для очищенія [3]).

Празднованіе Георгіева дня различными народами индо-европейскаго корня, съ одинаковыми обрядами, ясно указываетъ на древность этого праздника и на то, что онъ совершался въ честь языческаго божества. Уже одно то обстоятельство, что этотъ языческій праздникъ совершался весною и при томъ раннимъ утромъ, опредѣляетъ его значеніе, какъ праздника въ честь бога весны и утра, т. е. Ярила. Выгонъ скота въ первый разъ въ этотъ день и участіе въ праздникѣ пастуховъ служитъ указаніемъ, что онъ отправлялся въ честь бога, покровителя скота и пастуховъ, какимъ былъ Ярило. Мѣсто, гдѣ совершается праздникъ, поля и нивы, и просьба къ богу зарождать хлѣбъ свидѣтельствуютъ о земледѣльческомъ характерѣ праздника въ честь этого божества. Ни-

[1]) «Черты изъ исторіи и жизни Литовскаго народа», Вильно, 1854, стр. 130.
[2]) «Бытъ русск. вар.» т. VI, стр. 28.
[3]) Ю. База, «Полноспзмъ древнихъ Грековъ», стр. 117.

рушка на поляхъ, употребленіе въ пищу пироговъ, яицъ, жареного и, наконецъ, баранка, потомъ собраніе всей общины въ одно мѣсто служатъ прямымъ доказательствомъ, что въ древности въ этотъ день совершали публичныя жертвоприношенія животныхъ и общественные пиры. Освященная верба, которою Великоруссы, Малоруссы, Бѣлоруссы, Сербы, Черногорцы и др. выгоняютъ скотъ въ первый разъ на пастбища, есть ничто иное, какъ остатокъ древнеязыческой палки славянскихъ пастуховъ, представлявшей изображеніе бога стадъ Ярила. Доказательствомъ этому служатъ палка бога солнца и стадъ Гониглиса и освященная верба Бѣлоруссовъ, втыкаемая на полѣ и считающаяся пастухомъ скота. Священное или, лучше сказать, божественное значеніе освященной вербы и пастушеской палки подтверждается еще многими фактами. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи втыкаютъ въ коровьихъ стойлахъ прутики «свяченой вербы» въ той увѣренности, что они отгоняютъ нечистую силу и вѣдьмъ, портящихъ рогатый скотъ. Въ Великороссіи тоже самое дѣлается въ день св. Власія. Эта верба Малоруссами берется на Вербной недѣлѣ изъ церкви и хранится въ теченіи цѣлаго года въ домахъ; она употребляется знахарями, какъ цѣлебное средство противъ болѣзней: въ случаѣ испуга дѣтей ее пережигаютъ въ порошокъ и даютъ дѣтямъ пить съ водою. Иные бьютъ свой скотъ слегка, освященною вербою, предполагая, что тогда никакая нечистая сила къ нему не прикоснется. Въ Литвѣ при выгонѣ въ первый разъ скота на пастьбищѣ, хозяева бьютъ каждую скотину освященною вербою, въ томъ убѣжденіи, что отъ этого весь скотъ будетъ крѣпокъ и здоровъ [1]).

Священное значеніе палки пастуховъ видно и изъ великорусскаго разсказа о Лѣшемъ, въ которомъ говорится, что одинъ пастухъ, помирая, завѣщалъ другому, какъ драгоцѣнное наслѣдство, свою палку, владѣя которою, наслѣдникъ вовсе не ходилъ въ лѣсъ и не берегъ коровъ отъ медвѣдей, а всѣ коровы были цѣлы и невредимы [2]). Это напоминаетъ французское преданіе о вязѣ rateau (грабли), стоящемъ на перекресткѣ дорогъ около Берри и сущест-

[1]) «Быт. русск. нар.», т. VI, стр. 84.

[2]) «Памятная книжка Архангельской губерніи» на 1864 г., «Демонологія жителей Арханг. губ.», П. Ефименка, стр. 52.

вовавшемъ еще при Карлѣ VII. Во время войнъ съ Англичанами, возлѣ этого вяза маленькій пастухъ пасъ свиней. Однажды онъ увидѣлъ отрядъ непріятеля, стремившійся на Берри, пригналъ свое стадо подъ вязъ и оставилъ свою палку, чтобы она караулила его свиней въ продолженіи трехъ дней и трехъ ночей, а самъ отправился къ соотечественникамъ, для принятія участія въ сраженіи съ непріятелемъ. Послѣ прогнанія непріятеля, онъ, возвратившись къ стаду, перечелъ свиней: всѣ были на лицо, не смотря на то, что мимо этого мѣста прошло много бродягъ, грабителей и даже волковъ, привлеченныхъ запахомъ крови. Мальчикъ опять взялъ свою палку, сталъ на колѣни и возблагодарилъ Бога [1]).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Великороссіи, во время скотскаго падежа, колъ, вбитый посреди загона, считается вѣрнѣйшимъ средствомъ отъ болѣзни [2]).

Въ Архангельской губерніи, при покупкѣ коровъ, обводятъ ихъ три раза по солнцу вокругъ столба или колышка. Сучекъ, употребляемый при заклинаніи Малороссами и прикладываемый одною стороною къ затылку, а другою къ дереву, есть, конечно, намекъ на священную пастушескую палку. По всей вѣроятности, такія палки, какъ и палки, служившія символомъ власти, вырѣзывались въ священныхъ лѣсахъ, называвшихся «божищами» [3]). У Болгаръ есть поговорки о палкѣ: «Тояга-та [4]) IC Божо дрьвце;» «тояга-та изъ рай излиза» [5]). У Египтянъ, закривленная палка пастуховъ, считавшаяся талисманомъ противъ злыхъ духовъ, имѣла своимъ первообразомъ стопу Озириса [6]). Въ Новороссійскомъ краѣ пастухи, въ случаѣ появленія волка, надѣваютъ на палку [7]) шапку и, подпявши ее вверхъ, бѣгутъ къ волку, думая испугать его этимъ.

[1]) «Современникъ» 1852 г., № 1, «Ночныя видѣнія въ деревняхъ», стр. 8.

[2]) «Бытъ русск. нар.», т. VI, стр. 40.

[3]) «Lud Polski», przez Golebiowskiego, W., 1830, str. 278.

[4]) Палка.

[5]) «Памятники нар. быта Болгаръ», стр. 138.

[6]) «Lud Ukraiński», t. I, str. 307.

[7]) Въ Новороссійскомъ краѣ у пастуховъ существуетъ два рода палокъ. Пастухи рогатаго скота тщательно разыскиваютъ и стараются употреблять палку «зъ кувпыкою», т. е. съ большимъ шарообразнымъ наконечникомъ. Пастухи овецъ

Многіе изъ Славянъ, при выгонѣ въ первый разъ скота на пастьбища, окуриваютъ его и зажигаютъ огни, для предохраненія отъ волковъ и нечистой силы [1]). Разведеніе огней будетъ понятно, если мы скажемъ, что огонь служилъ символомъ солнца, т. е. Ярилы («Юрика палити»). Огонь прогоняетъ темноту и холодъ, а темнота и холодъ олицетворялась въ видѣ волковъ и нечистыхъ духовъ. Поэтому, огонь разводили для отогнанія темноты и холода и ихъ олицетвореній, особенно же, въ заоморфическій періодъ язычества, для отогнанія волковъ и злыхъ духовъ отъ стадъ и для очищенія стадъ отъ болѣзней. Подтвердимъ это фактами. Въ Великороссіи на Святой недѣлѣ берутъ огонь изъ кадильницы и высыпаютъ его въ печь, думая, что онъ непремѣнно выгонитъ всю нечистую силу изъ покоевъ, и считаютъ его за нѣкотораго рода святость [2]). Въ Ирландіи огонь, возжигаемый 24 Іюня, называется добрымъ огнемъ, потому что онъ прогоняетъ бѣду и несчастье. Такъ называемые огни необходимости, Nodfyr, Noth-feuer, возжигались для уничтоженія повальной болѣзни [3]). У Индусовъ огонь считался богомъ очищенія и истребителемъ зла: «онъ одолѣваетъ черную ночь и изгоняетъ злыхъ духовъ». У Персовъ онъ считался самымъ надежнѣйшимъ покровителемъ противъ злыхъ духовъ [4]).

Такъ какъ скотъ выгоняли по утру, въ праздникъ утренняго или весенняго божества, на поля, покрытыя еще росою, которая

употребляютъ палки съ крюкомъ, такъ, чтобы ими легко было захватывать овецъ за ноги. Эта форма палки какъ бы напоминаетъ ногу божества, между тѣмъ какъ первая напоминаетъ голову Надобно замѣтить, что палки новороссійскихъ пастуховъ совершенно сходны съ татарскими, наприм. съ изображеніями палокъ на надгробныхъ памятникахъ въ Крыму. Тѣ и другія называются однимъ именемъ: по малороссійски: «гырлыга» или «ырлыкъ», по татарски: «ырлыкъ».

[1]) Обычай разводить огонь при выгонѣ въ первый разъ скота на пастбища существуетъ и въ Архангельской губерніи.

[2]) «Бытъ русск. нар.», т. VI, стр. 100.

[3]) «Ж. М. Н. Пр.», т. XXXI, отд. II, «Купало», ст. о. Сабинина, стр. 24.

[4]) Вебера «Всеміри. исторія», 1860 г., кн. 1-я, стр. 264.

посылалась божествомъ, то, по этому, роса, какъ божественная, считалась очень здоровымъ средствомъ для скота. Божество весенняго солнца, только что возродившагося отъ смерти, причиненной ему зимой и ночью, еще не окрѣпшее, могло подвергнуться внезапному нападенію холода и тьмы; слѣдовательно и Ярило (сначала въ видѣ коня, потомъ человѣка), какъ олицетвореніе солнца, былъ далеко небезопасенъ отъ нападенія олицетворенй холода и тьмы, волковъ и злыхъ духовъ. Вотъ причина, почему для нашихъ предковъ была страшною ночь передъ днемъ Ярила; вотъ почему боялись они тогда усиливающейся злости волковъ и нечистыхъ духовъ. Поэтому-то и молились Ярилу о сохраненіи стадъ отъ волковъ и злыхъ духовъ.

Бѣлорусскій обычай искать въ Егорьевъ день конскую голову и, найдя ее, натыкать на колъ, для предохраненія отъ скотскаго падежа, существуетъ, въ измѣненномъ видѣ, у Малороссовъ, Великороссовъ, Литовцевъ, Нѣмцевъ и пр. Эти народы поднимаютъ конскія головы,—но уже не на Юрьевъ день, а всегда, какъ только попадется такая голова, и натыкаютъ ихъ на колья огородовъ или вѣшаютъ на домахъ, для привлеченія счастья и для отвращенія всякихъ бѣдствій, падежа болѣзней, неурожая и проч. Этотъ обычай и вѣрованіе объясняются тѣмъ, что конская голова, какъ мы сказали выше, была символомъ восходящаго, утренняго и весенняго солнца или Ярила, бога счастья и отвратителя бѣдъ всякаго рода. Замѣчательные вѣрованіе и обычай существуютъ у Бѣлоруссовъ: по мнѣнію ихъ, лошади имѣютъ особаго покровителя, Вазила, заботящагося о размноженіи ихъ и предохраненіи отъ болѣзней; Вазило живетъ въ хлѣвахъ лошадиныхъ и присутствуетъ на ночлегахъ лошадей въ полѣ; въ слѣдствіе такого повѣрья, пастухи вколачиваютъ на мѣстѣ ночлега огромный шестъ и втыкаютъ на него костякъ лошадиной головы, будучи увѣрены, что это изображеніе бога Вазила спасетъ лошадей отъ нападеній волковъ и Кумельгана, божества, враждебнаго лошадямъ, а сами беззаботно проводятъ ночлегъ въ гулянкахъ или спятъ, вовсе не присматривая за ввѣреннымъ имъ табуномъ; въ случаѣ нападенія на табунъ какого нибудь звѣря или даже самаго Кумельгана, лошади, какъ бы по инстинкту, сбѣгаются на то мѣсто, гдѣ вколочено изображеніе Ва-

зила, и здѣсь находятъ себѣ спасеніе [1]), потому что сюда не смѣютъ подойти ни звѣрь, ни злобный богъ.

Обобщимъ всѣ вышеизложенные факты, относящіеся къ Юрьеву дню. У языческихъ предковъ нашихъ день 23 Апрѣля праздновался какъ торжество въ честь Ярила, божества утренняго и весенняго солнца, покровителя людей, животныхъ и растеній, защитника домашнихъ животныхъ отъ хищныхъ звѣрей, подателя всякихъ благъ, отвратителя всевозможныхъ несчастій, бога любви, силы и храбрости. Праздникъ начинался раннимъ утромъ, до солнечнаго восхода, выгономъ скота, въ первый разъ на подножный кормъ «на Ярилову росу». Скотъ выгонялся священною палкою, представлявшею изображеніе бога Ярила. Праздникъ состоялъ въ торжественномъ жертвоприношеніи новорожденныхъ животныхъ въ честь Ярилы. Обрядъ жертвоприношенія совершался старцами; молодые люди пѣли гимны въ честь Ярилы и молитвы, въ которыхъ описывались его подвиги и заключалась просьба о сбереженіи стадъ и о зарожденіи хлѣбовъ. Старцы совершали заклинанія. На этомъ праздникѣ угощались всѣ, преимущественно же пастухи. Въ этотъ день въ первый разъ воздвигали изображенія бога Ярила: палку съ шаромъ или съ конской головой и друг. Въ эту ночь и въ этотъ день, въ первый періодъ язычества, боялись нападенія тьмы и холода, въ образѣ волка или чорта, на солнце—Ярила; поэтому разводили огни, символъ Ярила, для отогнанія животныхъ тьмы и холода и нечистыхъ духовъ. Во второй періодъ язычества, огни эти разводили для отогнанія волковъ отъ стадъ, для предохраненія послѣднихъ отъ первыхъ и отъ колдуновъ и для очищенія отъ болѣзней. Очень можетъ быть, что эти очи тительные огни не разводились отдѣльно, а были только остатками жертвенныхъ огней. Такъ какъ въ Ярилинъ день вся община собиралась въ одно мѣсто, то, поэтому, тутъ же совершались разнаго рода торговыя сдѣлки и условія между членами общины. Со времени же принятія христіанства, судьба бога Ярила была такова: его имя, образъ, дѣятельность и празднованіе въ честь его раздвоились и

---

[1]) «Прибавл. къ Ж. М. Н. Пр.», 1846 г., кн. 4, отд. II, «Бѣлорусскія повѣрья», стр. 85—88.

распались на двѣ главныя части. Одна часть, менѣе нравственная, осталась собственно за Яриломъ, другая часть, не заключающая въ себѣ ничего предосудительнаго, отнята отъ него и перенесена на св. Георгія. Соединивши ту и другую части, мы, на сколько позволяли намъ матеріялы, возстановили главныя черты Ярила въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ извѣстенъ въ эпоху язычества.

П. Ефименко.

Холмогоры.
23 апрѣля, 1865 г.

2007056259